

Алексей Ланцов

Избранное (2005 – 2017)

Мужчина на четвереньках

Выйдешь на улицу, а там мужчина на четвереньках
изображает конец капитализма.

Он говорит: «Несанкционированный выход из себя
даёт возможность сфотографировать усталость».

Он говорит: «Я в мире жил, я был одной из его жил».

Он говорит: «Либералом становятся по умолчанию:
смотри то, что показывают, слушай и читай
что дают, и ты – либерал».

Он говорит: «Я хотел быть поэтом. Я заминирован стихами.

Но поэзия как таковая горька, как яма долговая».

Он ещё что-то говорит, точнее, бормочет,
а вокруг вечер, и город весь в огнях, как в волдырях.

Он доверительно спрашивает: «Куда бредёшь, брелок?»

И тут же снова громко говорит: «Я думал: дней серую рогожу
с телеги жизни сброшу, ладонями сомну».

Он кричит: «Земля осенняя – магнит, и оттого к себе манит!»

Я не хочу его слушать, пытаюсь уйти, но не могу.

«Я знал женщину, – говорит мужчина на четвереньках, –
она строила глазки, а я разрушал. Я пришёл на свидание,
а она уехала в город Александров. В самом отдалённом
ленивом предке я – лишь фигура пустыни. А то, что я
на четвереньках, так это потому, что я хочу быть
лучше черепахой, чем представителем среднего класса».

Так говорит не Кафка и не Заратустра, так говорит
неведомый мне мужчина на четвереньках.

И тут я не выдерживаю: «Заткнись, мужчина
на четвереньках! Зачем ты ввёл меня в курс заблуждения?»

Ты слишком пропитан эмоциями большинства.
Этот спирт тебя опьянил и сделал опасным для
меньшинства. Невеликие инквизиторы – Америка и Европа –
уже спускаются по ступенькам к твоим четверенькам!»
Я иду прочь, а он кричит вслед: «Я не Джордано Бруно,
но гриль моей говорильни – это и есть конец оценок.
Подожди, ещё встанут на четвереньки и города,
и деревеньки!»
Так и летят, так и летят из него выхлопные фразы.
Бежишь от него и думаешь: «Ну почему так?
Выйдешь на улицу, а там непременно найдётся
какой-нибудь мужчина на четвереньках».

2013

Что происходит?

Что происходит за бортом моего двубортного пиджака?
Патриот покупает двухтомник стирального порошка.
Прошлое прячется где-то сзади
С растерянностью во взгляде.

Мир – поэт. Он любит себя, свою длинную биографию,
которую мы зовём историей. Он заматерел в чернильных
(и не только чернильных) битвах. Он поощряет больше делать,
больше писать, интенсивнее жить.

Молодо-зеленожёны его фавориты.

Прямым текстом: живи как все, живи как все – крутись, как белка в колесе.
Никакой экзотики, никакой экзистенциальной оставленности.
Ни подвиг, ни подлость
В сем мире не новость.

В подтексте: соверши социальное самоубийство, не баллотируйся в органы власти, знай, что есть такой порок – престололожество.

Что происходит за пределами моего костюма?

Цитаты моросят, трюмо выносят из трюма.

Мерседес – красивое животное, благородное, почти домашнее – прячется под кроною дождя.

Женщина – воплощённая лирика –

Стоит подле клирика.

Часто то, что из ребра,

Не доводит до добра.

Мир – поэт.

Роберт Бёрнс, Роберт Фрост, Роберт Винонен –

Каким ему называться именем?

Хотя лирический герой Лермонтова и Рембо ныне просто бармен.

Пока воин мечтает, его меч тает. Полы ветра полны мирозданьем.

Гудящее время, воз воспоминаний. Под красным небом

и коричневыми облаками воск воскресенья струится по жилам.

Покуда листва в полёте, музыке снится музыка.

Но нет ни ситца, ни парчи.

Что происходит?

2013

Екатерина Ивановна

С Андреем мы познакомились в монастырской келье.

Был он общительным, весёлым; как я узнал позднее – с трудной судьбой (сейчас уже подробности стёрлись), да вдобавок и бездомным. В монастыре нашёл он стол и кров, ходил на послушания, на службы, а в свободное время валялся на койке.

Оказалось, что мы из одного города – нашлись общие темы.

«Я учился в школе номер один, – как-то начал он. – Русский язык и литературу у нас вела Екатерина Ивановна Н.».

Андрей пустился в воспоминания, а я слушал его с удвоенным вниманием.

Дело в том, что и меня она учила, только не в школе, а в университете (не помню – сказал я ему об этом или нет).

То были годы для меня золотые. Вокруг бушевали лихие 90-е, а мы на филологическом факультете жили, ничего не замечая.

«Филология – это семья», – недаром сказано Мандельштамом. Такой единой семьёй стал постепенно к четвёртому году обучения и наш курс: случайные ушли, необходимые добавились. Тогда-то и появилась в нашей студенческой жизни Екатерина Ивановна.

Она была уже сильно на склоне лет. Все взятые ею вершины остались позади, её старшие товарищи и учителя – драгоценные собеседники и единомышленники – давно ушли, молодых коллег и учеников раскидало по жизни. В её глазах была спокойная печаль человека, не имеющего уже никаких иллюзий. Не было у неё иллюзий и относительно нас. Знала: работать в школу мы, в большинстве своём, не пойдём, и предмет её – методика преподавания русского языка – нам не нужен. Но преподавала серьёзно и ответственно.

Андрей же застал Екатерину Ивановну в другие времена, лет за двадцать до этого. В школе номер один возилась она с ершистыми подростками, прививая им любовь к родной словесности. Не просто учила – воспитывала, делала людьми. Любила их, сорванцов, тем и покоряла. Интересно, что чувствовали её отличники и двоечники, когда узнавали, что автор учебника, по которому они учатся, и их учительница – одно лицо?

«Екатерина Ивановна», – мечтательно говорил Андрей, и взгляд его теплел. Я привык к тому, что все его воспоминания о прошлом сводились в конце концов именно к ней. А ещё он порой добавлял: «Вот бы навестить её».

Прочная нить монастырского братства соединяла нас ещё несколько лет после моего возвращения в «мир». Андрея тоже тянуло в «мир», но куда он – бездомный – мог вернуться?

Изредка навещая родной город, ночевал он у немногих своих знакомых, останавливался и у меня. Помню, как, приняв душ, он с удовольствием вытягивался на кровати со свежим постельным бельём, всем существом вкушая прелесть домашнего, пусть и чужого, уюта.

Был он по натуре не монастырским, как и я.

Помню, однажды сидели мы на моей кухне, ели жареную картошку и беседовали.

Андрей рассказывал о своей жизни в святой обители, припоминал разные случаи. Жизнь в монастыре благодатная, но трудная. Духовная брань – нельзя расслабляться. Но люди есть люди. И так иногда прижимали искушения и обстоятельства, что бежал Андрей, по его словам, со всех ног с криком: «Батюшка!» в келью к монастырскому духовнику, отцу схиигумену, чтобы излить ему наболевшее... От «батюшки» выходил он успокоенный и утешенный и опять шёл на своё послушание.

Андрей строил разные планы, очень хотел жениться, искал в городе работу. И как всегда, в его разговоре нет-нет да и всплывала «Екатерина Ивановна». Он-таки надеялся её навестить и даже, кажется, кому-то звонил по этому поводу или собирался позвонить. Долгое время не удавалось Андрею зацепиться в «миру», и он раз за разом возвращался в обитель, где ждали его ежедневная молитва, послушания, искушения и лучившиеся добротой и любовью глаза старца-схиигумена.

Но усилия его не пропали даром:

новые городские знакомые – люди церковные и сердечные – стали опекать горемыку. Андрей окончательно перебрался в город. У меня больше не появлялся. И в конце концов (как я узнал стороной) добился, чего хотел – женился и трудоустроился.

А что же Екатерина Ивановна?

В начале 2000-х, когда я попал на работу в родной универ, она была жива и даже, кажется, ещё работала. Но встретил я её, по-моему, только однажды: мы столкнулись в дверях университетской библиотеки. Я выходил, а она входила, тяжело опираясь на палку и даже чуть ли не поддерживаемая под руку молодой спутницей. Это была моя последняя встреча с нею.

До сих пор время от времени перелистываю тетрадь с её лекциями. Увы, Екатерина Ивановна, я тоже не стал учителем. Из университета уволился.

Поиски лучшей доли делают человека странником, беглецом, паломником. Мне приходилось бывать и тем, и другим, и третьим, пока не нашёл я относительный покой очень далеко от

родных мест. Но – парадокс – контуры прошлого, по мере отдаления от него, не размываются, а наоборот, становятся чётче, определённое, лица – живее. Екатерина Ивановна, Андрей, батюшка Иероним – больше я вас не потеряю.

Чья судьба оказалась ближе всего моей? Андрея.

Как-то осенью, тогда же, в начале 2000-х, встретил я его в церкви на вечерней службе. Он был с незнакомым мне парнем. «Ночую у него», – кивнул на спутника Андрей. Это значило, что снова нет у Андрея ни дома, ни семьи, да и работы, скорее всего, тоже.

После службы мы неторопливо прошли по тихой тёмной улице, на остановке попрощались. Больше я Андрея не видел.

Удалось ли ему навестить нашу дорогую учительницу? Этого я не спросил, но обязательно спрошу, если только когда-нибудь неисповедимыми путями сойдёмся мы – постаревшие, но по-прежнему неунывающие – в какой-нибудь точке нашей прекрасной земли.

И тогда Андрей произнесёт пароль, понятный только нам двоим: «Екатерина Ивановна». И, как тогда в монастыре, посмотрит вдаль потеплевшим, увлажнившимся взглядом.

2015

О личной жизни в течение суток в 2014 году

Ночью внезапно включается поставленное на стоп «Эхо Москвы». В сетевизоре оживают Павловский, Демарский и Ларина. Павловский поправляет микрофон.

Снова ставлю на стоп и погружаюсь в сон.

«Ветер истории» то захлопнет, то распахнёт «окно возможностей».

...С утра у меня обычно Делягин, Демура, снова Павловский, ближе к обеду Ольшанский.

Делягин деловит, Демура смотрит на вещи – извините за рифму – хмуро.

В течение дня – Школа аналитики Фурсова, новые видео депутата Федорова.

Школа аналитики – это, понятно, далеко не весь Андрей Ильич, сфера его интересов – всё, что носит приставку крипто- (криптоистория, криптоэкономика и т.д.). Знать полезно, но лично мне в этом немного тесно.

Ближе к вечеру Хазин (почти с той же темой, что и Делягин: нефть, девальвация, кризис).

Иногда радуют историк Игорь Фроянов и политолог Фёдор Лукьянов. Фроянов верит в теорию заговора, я тоже.

Из либералов в рации Морозов, Сванидзе, но никогда – Латынина и Усков (врага, конечно, надо уважать, но не до такой же степени).

Не упускаю проглотить очередную порцию дневника Е. Степанова.

Блоги Суховой, Д. Кузьмина и Кураева – куда же без них? – на второе.

Посты Прилепина, публицистика Быкова – десерт.

Тексты М. Шевченко, Холмогорова, Кашина – по мере поступления. То есть – часто.

В записке Максим Кантор (при большом интеллекте он не в моменте), на подступах Дугин и Лимонов. «Четвёртая политическая теория» – для меня пока криптоистория.

В ночной тиши Катасонов и Глазьев (макроэкономика, Длинные волны Кондратьева – это не терпит суеты).

Краешком глаза, преодолевая усталость, на полпути к кровати, – Женя Отто (интересно, во-первых, что новенького у наших троцкистов, ну и во-вторых, надо же уравновесить русский национализм интернационализмом).

Изборский клуб, Виталий Аверьянов и «Русская доктрина» спорят во сне с «Гэфтером», Чечель и Белковским, которого я накануне как раз не дослушал.

А первый луч солнца уже крадётся по голубоватым корешкам Чаадаева, бордовым Сталина и прячется в зеленоватых Достоевского.

И тут внезапно включается поставленное на стоп «Эхо Москвы».

2014

Философы Лакан и Лакалют

Физика весны. Аромат кварков.

Циклоны лирики с градом аплодисментов...

Поэзия должна быть виноватой.

Освободиться от свободы,

в сердцах сказать поэту:

«Тупик тебе на язык!»

Геймер Альц повышает ставки в игре.

Кремированное завтра. Решето в чудесах.

Костры у песен. Автожир.

Философы Лакан и Лакалют.

Кремированное завтра. Решето в чудесах.

Костры у песен. Глаз бури.

Философы Лакан и Лакалют.

Кремированное завтра. Решето в чудесах.

Костры у песен. Weekend.

Философы Лакан и Лакалют.

Weekend. Физика весны.

Город нас рисовал. Белокурых,

красивых и юных. Гладил кожу

разговора, вживлял чип радости,

ген нег.

Над рекой разросся архив ив, бизнес
игорный и горный.

Цикл Карно, цилиндр Гудеа.
Складки тёмного времени.
Археология ран.

Лакан и Лакают переписываются в ВКонтакте.

2017

Шаблон разрыва

Шаблон разрыва. След укола.
Жизнь грубого помола.
Подробное лицо.
Март снимет белые перчатки,
Ощупает матчасть Камчатки
И прыгнет в озерцо.

Дождь зряч на этой половине
Земли. Испачкан в глине
Геодезист – ему отгул.
В пещере спеет спелеолог.
Рукою, синей от наколок,
Он лезет в Гугл.

Людей особая порода
Среди камней и кислорода
Живёт назло всему.
Они на поводу у тощих

Идей.

И жить им проще

Среди камней,

По одному.

А что есть камень? Форма жизни

Молчания.

И сей франшизе

Нет окончания.

Я камни доставал из кладки,

Презрением жёг, бросал на грядки,

Испытывал резцом.

А после камни вымыл с мылом

И в упоении счастливым

Сложил перед крыльцом.

Я понял: я природе дорог

Как начинающий геолог,

Как следопыт.

А может быть, я тоже камень –

Запечатлённый в Инстаграме

Метеорит.

Нет, я не зря стремился к краю

Земли,

Где дни играют,

Как лазурит.

Где все – старатели и зеки –

Земле приподнимают веки,

Но сон её глубок.

Осколки рек дрожат в долине.

У Бога снова руки в глине.

Трудолюбив наш Бог.

А я – в бега, уж извините.
Пока мой стих стоит в зените,
Пускай бегут дороги-нити
Сквозь иглы ног.

Шаблон разрыва. Ойкумена
Весной вскрывается как вена.
Я камни в огород
Перетащил. Геолог знает,
Что камень, как яйцо, скрывает
Секретный код,
Что только камень знает цену
Тому, кто покидает сцену
На целый год.

2017

Самолёт на Рождество

На заре в черноморское небо,
В кружева облаков,
Залетел «чёрный лебедь» Талеба –
Дар от антиволхвов.

«Чёрный лебедь» летит над страной,
И ему предстоит
Встреча скорая с птицей стальной,
Что навстречу летит.

А в стране сон предутренный крепок,
И кругом тишина.

Ты покрепче поспи напоследок,
Может, завтра война.

Все философы мира бессильны,
Когда «лебедь» в окне.
Потому и воюет Россия
На далёкой войне.

Разобравшись, насколько зловещи
Риски будущих дней,
Ты усвой эти тонкие вещи –
Они прочих важней.

И когда задымится эпоха,
То какого рожна –
Хорошо это там или плохо –
Наша жизнь так важна?

2016

Фидель

Остров Свободы – плавучий бордель –
Вот от тебя и отчалил Фидель.

Флаг полосатый, небо разбей,
Тучи развей над заливом Свиней!

Где она, правда?

В чём она, ложь?

Где, миссис пуля?

В чём, мистер нож?

Слух услаждать красноречием пуль
Нас обучали Фидель и Рауль.

Веруя в святость своих миражей,
Мы не жалели ни пуль, ни ножей.

Ветер свободы бил по врагу,
Кубу, как кубик, он бросил в игру.

Новые ветры выветрят хмель!
Чао, свобода! Чао, Фидель!

2016

Скажите мне, что значит «связь времён»?
Смысл этой связи сильно затемнён
И общефилософски, и конкретно,
Когда мы к странам обращаем взор,
Их прошлого исследуя узор,
И видим вдруг, что прошлое – дискретно.

Ведь ощущаем мы – единства тем
Нет между нашим временем и тем,
Которое описывал Ключевский.
И с тем, когда он жил, единства нет.
Есть только слабый, отражённый свет.
События и лица в нём нерезки.

И снится нам не рокот, а добро –
Ломберный стол, шампанское, перо –
Часть бывшего да сплывшего богатства.

Я вижу ясно сабли и штыки,
А вывески, и лица, и стишки
Совсем не вижу, если разобраться.

Вот так и мы останемся в веках
С крышкой и калашом в руках –
Всё прочее размочит или смочит.
И разве скажем: царствует пиит,
Когда по небу Мишка-одессит
Летит,
и тенью Мишки нас накроет?

2014

Мыслью, следовательно, существую.

Декарт

Внёс я в Декарта поправки,
Максиму вывел такую:
Я получаю лайки,
Значит, ещё существую!

2015

Так или иначе понятый,
Чую с реальностью связь.
Кто получает комменты,
Жизнь у того удалась!

2016

Юнона и Авось в 21 веке

Ты меня никогда не забудешь,

Ты меня никогда не увидишь.

Ты меня на корабль посадишь,
Хмуро скажешь: «Напрасно ты едешь».
Ты меня никогда не забанишь,
Ты меня никогда не отфрендишь.

Сдавшись в плен твоему обаянью,
День и ночь я тобой одной грежу.
Я тебя никогда не забаню,
Я тебя никогда не отфренжу.

Есть в словарном запасе поэта
Пара слов, он их шлёт, как депешу:
В бан отправить – плохая примета,
Я тебя никогда не отфренжу.

Даже если столкнёмся мы лбами,
И ты крикнешь: «За всё мне ответишь!» –
Я тебя всё равно не забаню,
Ты меня всё равно не отфрендишь.

Ну а кто тот писака противный,
Что испортил прекрасные строки?
Он не слишком, стервец, щепетильный.
Его имя откроют ли боги?

И качнётся в безоблачной рани
Голос звонкий (как будто из меди):

«Мы Ланцова, Ланцова забаним,
Мы Ланцова, Ланцова отфрендим!»

2015

Девятое мая. Апгрейд сайта Молотова-Риббентропа.
Атлантида всплыла на минутку взглянуть – жива ли ещё Европа?
Америка развела огонь, побросала туда каштаны.
Десантники ходят строем, ищут взглядом фонтаны.

В Антарктиде пингвины играют в снежки. Пингвинья «Зарница».
Лодка подводная старая есть у них, а в ней – кости фрица.
Есть аппарат шифровальный «Энигма», можно послать шифровку
Полярникам неподалеку, но нет в этом толку.

Девятого мая с утра родственники ветерана
Смотрят парад, поминают своего Василия или Ивана.
Бравый боец улыбается им на фото без фотошопа
И тоже как будто хочет узнать: жива ли ещё Европа?

В общем, все хотят что-то узнать, в фаворе эксперты.
Будет ли завтра война? Рассекретят ли документы?
Году в сороковом вопросы были, пожалуй, не хуже.
СССР не давал ответы на них, а создавал «Катюши».

Впрочем, в сороковом уже мы Финляндию брали.
Иван и Василий, на вашей груди звенели уже медали.
Отсвет багровый знамён озарял ваши лица,
Музыка ваших имён пугала в подлодке фрицев.

В сорок пятом бежали они в Антарктиду или ещё куда-то.
Встречу на Эльбе как вы забыли, ребята?

Зачем полезли в чужой огонь доставать каштаны?

И, кстати, десантники наши готовы брать штурмом не только фонтаны.

2015

Мать-одиночка – мать ангелочка,

Юная статья.

– Ваш ангелочек – сын или дочка?

– Да как Вам сказать...

В «Старбаксе» хмуро. Бюст Эпикура.

Странен ли мир?

Мир – это, в сущности, схема, структура...

– Хочешь пломбир?

Те или эти схемы и сети –

Игры ума.

Знают теперь европейские дети:

Пол – не тюрьма.

Трансгуманисты, все вы речисты,

Все хороши.

Вы не мошенники, не анархисты,

Не алкаши.

Ваши тревоги – люди убоги –

Верный посыл...

– Душу мне рвёшь... твой малыш светлоокый –

Дочь или сын?

Кто же он – отрок, отроковица?

Вот я урод!

Что я пристал? Заскучала девица,
Кофе не пьёт.

– Слышал про гендер? – спросит, как ментор
Ученика.

– Впрочем, он – мальчик, звать его Петер.
Но это – пока.

2015

Кукла

Поэзия может быть разной:
Такой и ещё такой.
То игры, то иглы разума,
То шёлк, то шок болевой.

Кривыми идёшь переулками,
Беседуя с темнотой.
Вдруг – кукла с глазами круглыми
В окошке над головой.

Блондинка с кудряшками блёклыми,
С пластмассовым блеском лица
Сидит за немывыми стёклами
Бесстрастная, как швейцар.

А дом-то отнюдь не кукольный,
Я в нём иногда бывал..
В нём, позже, бандитскими пулями
Был друг мой убит наповал.

Он был тогда при исполнении

И вот – не сносил головы.
О, кукла, моё поколение
Так быстро редет, увы.

Где наши машинки и куколки?
Жизнь бросила нас, как котят,
Бродить в темноте, переулками,
Лишь изредка свет находя.

2013

Сам себе кажусь значительным
(Под стеклом увеличительным).

2012

Разговор поэта с эхом

– Ты обо мне заговоришь!
Но эхо усомнилось: ишь?
– Ты обо мне ещё услышишь!
Но эхо отозвалось: шиш!

2011

Мама точно мыла раму,
Если верить Инстаграму.

2014

Фурманов

Город Фурманов в прожилках апрельского снега.

В 33 км от Иваново.

Старинная краснокирпичная церковь.

Нищета вокруг за гранью возможного.

«Апрель – беспощадный месяц», – сказал поэт.

Повторяй про себя: «апрель, апрель, апрель...»,

заправь его себе в сознание,

как заправлял галифе в голенища сапог

комиссар Дмитрий Фурманов,

в беспощадный месяц, в беспощадный год

покидая родные места.

2013

Жизнь одевает меня в рукава –

Не увернуться.

В дверь языка кошки-слова

Тихо скребутся.

Я человек одноразовый, но

Где-то за гробом

Мне моей жизни покажут кино,

Снятое Богом.

2012

Жизнь поэта

Над судьбою поэта размыслить –
Был и нет, но остались стихи.
А в стихах его бездны и выси,
И обыкновенные лопухи,

И дороги, и ветры, и вера,
И любовь – безразмерную жизнь
В борозду стихотворных размеров
Он старательно уложил.

Он стихи пролагал, точно кабель,
В мягком грунте читательских душ,
Но не бил себя в грудь: «Я – писатель!»,
Похвальбы органически чужд.

Он-то знал, что задача поэта,
Да, важна, только всё же не он
Генератор чудесного света,
Что по кабелю им подведён.

Он и сам был порой обесточен.
И, уйдя в это время в себя,
Ощущал, что и он – только строчка
Сочинителя бытия.

Оттого и не рвал он рубаху,
И, когда отпускало чуть-чуть,
Отдыхал от стихов, точно пахарь,
Что у пашни присел отдохнуть.

Жизнь прошла. За смирения доблесть
Осенила его благодать.
В первый раз то, чем был он сподоблен,

Он не стал никому отдавать.

Отпеванье пред Пасхою было.
Гроб закрыли, как томик стихов.
Воскресения слава и сила
В основании всех его слов!

И когда этих слов вереница
Пробежит по душе словно ток,
Начинаешь невольно молиться
И ощупываешь страницы,
И влагаешь персты между строк.

2012

Праздный человек

Праздный человек живёт меж бытом и интернетом.
Времена года сменяют друг друга.
Он иногда гуляет в парке, переходящем в лес.
Забирается в самую чащу, долго сидит на поваленном дереве.
Тихо. Очень тихо.
Природа тоже, в сущности, праздная.
Или кажется праздной.
Мысли в лесу совсем другие...
Из чащи можно выйти на скалы, посмотреть на море.
Здесь жарко. Видно, как невдалеке на скале
кто-то загорает, наверное, какой-то праздный отпускник.
Он никогда не думал, что в его жизни всё будет так, как есть.
Он даже семьи не создал и потерял приобретённую профессию.
Вечером он снова в интернете.
Каждый день одно и то же.
Он чувствует, что стареет.

И всё время крутится мысль:
надо кем-то стать, ну хоть кем-то.
А курсор, между тем, бесцельно движется по экрану.

2013

Встал на якорь ноябрь. Закавычено время пространством.
Чайник чувств выкипает до дна – не пора ль его снять?
Ты контужен иллюзией, брат, и с тупым постоянством
Ты готов умирать от любви, а потом от любви воскресать.

Дефилируют листья, и смех из окна: бутафоры
Городского театра опять у себя наверху
Допоздна мастерят – в этот раз офицерские шпоры,
Ожерелье невесте, погоны её жениху.

О, любитель красивых статисток в совковом театре,
Ты здесь лишний герой – для тебя даже реплики нет!
Ты из тёмного зала идёшь за кулисы в антракте
И сидишь наверху, игнорируя пышный буфет.

Погружаешься в дрему и видишь, как полые люди
Ставят трон тишине, зарываясь почти в облака.
Лишь во сне и возможно порой созерцание сути.
Сны, как иглы, остры, и до смерти четыре шага.

Ну а после в гримёрку к сидящей ещё в ожерелье
Кто с букетом, а ты с ощущеньем таким неземным:
Одинокую жизнь, посвящённую стихослуженью,
Мне нельзя на любовь променять, разменять, как алтын...

2012

Пол Маккартни

Смотришь на землю – глазам твоим хочется есть.
Хочешь конфету печали? А мёд веселья?
То и другое с прошлого года есть.
Можно в буфете найти, если задаться целью.

Раны свои залечивай, дни считай,
Флэшки-слова извлекай из зубастого порта.
Жизнь первобытна. Тело Москвы трамвай
Так расчесал, что лишил навсегда комфорта.

Ветер квадратный можешь забрать домой.
Танго из танка – это Москва в ударе
Или в угаре – готы в ней и эмо,
Год сорок первый, ГКЧП, бояре.

Солнцем прожаренный мир отнесите на стол,
Сильные руки истории, да аккуратней.
Если спросить, как их зовут и какой у них пол,
То отвечают уверенно: «Пол Маккартни».

2012

Из-за баррикад

I

Прооперированный стих переходит вброд
пересыхающую реку вдохновения.
Робкое участие тишины раздражает.

У стиха болят швы.

Поэту снится открытая Троя.

Из неё выходят трое –

один из них Шлиман.

У нас тут сухие дожди,

сезон неприятных встреч:

речь непрерывно нарываётся на молчанье,

а молчанье на речь.

Не юли в июле,

не пиши триолет.

Скелет Дон Кихота

седлает коня скелет.

Есть чудачества странного качества,

одинокость зодчего.

Россия видит меня чаще,

чем ей, пожалуй, этого хочется.

О, Россия, мой лоб горяч,

ты – о, виденья какие! –

подошла ко мне, словно врач,

смерить уровень ностальгии.

На ветру шелушится берёза,

ствол – кривой позвоночник.

Живи, покуда живётся,

покуда везёт извозчик.

Прооперированный стих

переходит вброд тишину.

Проходит сквозь лето, зиму, весну.

У него всё хорошо, швы не болят,
он пишет домой.

И река вдохновения вновь наполняется
свежей водой.

II

Прооперированный стих переходит вброд
лунной ряской затянутый водоём.
Рифмы, ритм, тропы – всё при нём.
Он говорит: «Я не стих, я стихотворение».

Любовь встаёт на цыпочки,
замирает на одно мгновение.

Любовь – это отказ от защиты своей территории
по периметру сердца, разрушенная баррикада.

Плоскостопие мысли для поэзии не преграда.

Холодные слова согревая в гортани,
брожу в тумане.

Шум берёз – допинг в наших краях,
и расчёты, как и встарь, в рублях.

Не имея глобуса,
с ума сходя от тоски,
изучаю арбузные полосы:
тёмные – это реки, светлые – материки.

«Любовь – вдохновение плоти», – говорит поэт.

В Философском словаре такого определения нет.

Но еда приходит всегда во время аппетита.

Люби до конца либидо – и тема закрыта.

Стою на мосту, внимательно слушаю реку,
как генерала рекрут.

Река огибает город, уходит в лес.

«Занятие литературой – проигранная жизнь» –
читаю в ЖЖ Кутенкова.

Спешка нужна при ловле букв,
сноровка при ловле слова.

Разговевшись разговором,
прохожу мимо лунной воды.

В темноте что-то белеет:
не то парус, не то писсуар Дюшана,
такой нелепый вне привычной ему музейной среды.

2014

Заросли чертополоха

I

Дахаб, Ларнака, Варадеро –
три сказочные страны из сказки «Трип поросёнка».

В отеле на стене портрет матери Ротко.

По вечерам, размешивая размышления,
рассеянно смотришь мундиаль.

Или за окно.

Закат, как и положено, красный,
как корочки загранпаспорта.

Взмыленная речь, обмелевшая память –
что ещё я вывез контрабандой?

Человек полон сил и эмоций,
У него много функций и опций,
Он лелеет свой маленький бложек
И постит туда мордочки кошек.

Он...

II

Головную боль заглушить труднее,
чем радиостанцию, презентующую
новые фасоны беды от знаменитого авантюрье.
Интеллектуалы проводят жизнь в беседах,
а я – в слушании бесед, облучаясь радиацией
производимых ими смыслов, деревеня.

Движенье времени вдоль темени в кромешной темени.

Прощай, огонь.

Моя голова переходит в слова,
В сосновую заболонь.

Конфликтующие комплекующие.

Открывать тугие двери,
применяя ёко-гери.

... Впрочем, у нас тут недурной брекфаст.
Выспавшиеся постояльцы бодро суетятся

вокруг хлопьев и бутербродов.

Парень, смеясь, кричит девушке: «Не буди во мне лоха!»

Варится кофе. Пенье цикад.

О, азиатский родной гандикап,

Заросли чертополоха.

2015

Отплытие «Арго»

стословие

На борт поднимались герои.

Народ на них молча смотрел.

«Придётся им плыть мимо Трои!» –

Вдруг крикнул какой-то пострел.

На парня зашикали тут же,

А сзади стоявший кузнец,

До зрелищ охочий и дюжий,

Вздыхнул шумно: «Прав ты, малец».

Ясон покосился на демос

И чувствуя – ветер подул,

Глаза поднял в небо и Эос,

Блистающий там, подмигнул.

На судне был полный порядок

Без крика, тычков и плетей,

И лиру, чей голос так сладок,

Взял в руки искусный Орфей,

И песня взлетела как сокол,
И, словно раскинув крыла,
Над морем парила высоко,
К далёкой Колхиде плыла.

А после она возвращалась
И с мачтовым скрипом сливалась.

2016

Песня расставания

Видишь, корабль на рейде качается –
Мне подниматься на борт.
Жаль, но у нас снова не получается
Вместе пробыть этот год.

Чайки тревожно над палубой кружатся,
Крик их летит над водой.
Хватит ли смелости, хватит ли мужества
Мне объясниться с тобой?

Перед отправкою в дальнее плаванье
Что-то со мною опять:
Самое лучшее, самое главное
Я не умею сказать!

Нас ожидают дела неотложные –
Жизнь моряка нелегка.
Будем мы сниться друг другу, хорошая,
Жить от звонка до звонка!

Перед отправкою в дальнее плаванье

Что-то со мною опять:
Самое лучшее, самое главное
Я не умею сказать!

Ты улыбаешься, хоть и невесело,
Всё понимаешь без слов.
Самая трудная в мире профессия –
Преданно ждать моряков.

Перед отправкою в дальнее плаванье
Что-то со мною опять:
Самое лучшее, самое главное
Я не умею сказать!

Перед отправкою в дальнее плаванье
Что-то со мною опять:
Самое лучшее, самое главное
Я не умею сказать!

Самое лучшее, самое-самое
Я не умею сказать!

2013

Мост всё время находится
в подвешенном состоянии.

Птица спит, не спит –
носом клюёт.

Лодка на волне –
перекати-море.

2011

Дневник. 30 мая.

На прогулке с сестрой. Давненько не виделись.
Обсуждаем всё на свете. Больше всего политику.
Но, если задуматься, надо оно нам?
На газонах жёлтые одуванчики.
В зелёных зарослях прячется школа.
Тропинка уводит в хвойный лес.
Молодая трава, блестящие листья.
Лето. Финляндия.

2013

Я... нахлебался варева минут.

И. Бродский

Да, зарастает водоём
В том месте, где мы жили
Вдвоём, нет, не совсем вдвоём –
Была, я помню, живность.

Над домом ветер клёны рвал,
Как рвут бумагу – в клочья.
Дневные, праздные слова
В стихи слагались ночью.

Стук капель, бьющих о металл,
Мне помнится – усердно
Дождь, точно кровельщик, латал

Наш старый пятистенок...

Теперь другие здесь живут,
Как мы – уединённо,
Хлебают варево минут
Среди всё тех же клёнов,

Чьи гнёзда словно кулачки,
Грозящие мне с высей,
И те же будто бы грачи
В вечношумящих листьях...

2007

Тягой к небытию, центробежною силой распада
Мир разъят и разрушен, распутан любви лабиринт.
Мы не встретимся вновь, как не встретятся два листопада –
Листопад каждой осенью бродит по свету один.

Нет вериг тяжелей, чем в безвременье, как на погосте,
Жить, влача свои дни, за одно поручась головой:
В этом мире листвой начинается каждая осень
И кончается вместе с последней погибшей листвой.

Соглашаюсь на всё – на любой вариант несвободы.
Плещут волны в балкон – может, море стихия моя?
Я во двор выхожу и плыву, и сквозь тёмные воды
Светит дерево-линь, золотая его чешуя...

2008

Ты оглянись – какая осень!
Деревья – на руку легки –
Бросают листья, словно кости
На стол бросают игроки.

Ведут за каждым домом слежку:
Вон там, в квартире, что сейчас?
Там у орла на кухне решка –
Сошлись и пьют зелёный чай.

А там больной (видна лишь тень его)
Не спит, и слышно хорошо:
Бред, словно речи обретение,
Владеет бдящею душой.

А там, где свет нежнее золота,
Два силуэта у окна...
Деревья тянут выше головы,
Но всё же выше их стена.

Но знают – меры сокровенного
Найдут и здесь благую треть.

Есть три окна на всю вселенную,
В другие незачем смотреть.

2006

Россия

А ты все та же...

А. Блок

Дом, колокольня, старый двор,

Бомж неизменный у помойки
Живут всему наперекор –
Застою, смуте, перестройке.

Куда страну ни повернёшь,
Какое знамя ни поднимешь –
Россия та же – Бог да бомж,
Да остальные между ними.

И Рюрик знал её такой,
И после Рюрика знавали –
И злой правитель, и святой...
А изменили что? Едва ли.

И только листья каждый год
Ждут не напрасно всей оравой,
Что им сентябрь принесёт
Отмену крепостного права.

Граница... «Кодак» свой достань.
Русь позади: поля, дорога
И в небе облако, как Бога
Благословляющая длань...

2008

За горизонтом только осень

За горизонтом только осень...
Октябрь – листьями богат –
Листву, как пыль, по свету носит,
Швыряет, словно в печь, в закат.

За горизонтом жизни морок,
Ночные бденья над стихом,
Чтоб он сверкал, как чудо-город,
Гранитом смысла, слов стеклом.

За горизонтом небо ниже.
Бросая дням осенний свет,
Кистями солнечными пишет
На глади вод автопортрет.

За горизонтом ветра соло,
Плач комариный, клёкот птиц –
Неумещаемая в слово
Жизнь без границ.

2010

Листья деревьев мёрзнут в воздухе,
словно ладони в холодной воде.
Луна – как под пыткой –
свет едва даёт.
По газону скачут, играя, два зайца.
Финская ночь.

2008

Родина

Нет,
это не наша Родина,

Родина – где-то там.
Листья такие же вроде бы,
Так же летят к ногам.

Небо такое же светлое,
Так же бездонно оно.
Кажется – не на что сетовать,
Я и не сетую, но

Это не наша Родина,
Родина – далеко,
Родина – проворонена,
Спрятана под сукно.

Дальше! Как смерть Кашеева,
Где-то на дне морском
Или на дне ущелия
Недосягаемом!

Дух в ностальгии плавится,
Прежде чем он поймёт:
Родина начинается
С выезда из неё.

2008

Романс

Дремлет в ночи жёлтый цвет за окном,
Он и ко мне прикоснулся недавно –
Ветку в саду я задел рукавом –
Осень со мной поделилась приданым.

Лист на ладони! В его желтизне
Спуталось всё, лишь одно и понятно –
Дни пожелтели, дней больше нет.
Как эта осень невероятна.

Осенью давней встретил я ту,
Ту, что искал перед этим так долго...
Кистью руки проведу по холсту
И у лица её пальцами дрогну.

Смотрит с холста на меня её взор,
Как создавал я портрет вдохновенно!
Снять бы его да и бросить в костёр –
Пусть это станет последней изменой.

Знаю теперь, что любовь – это казнь,
Но не свернуть, не пойти на попятный.
В жёлтые дни головой бы упасть.
Жизнь, как и осень, невероятна.

2008

Мой сосед

Мой сосед, Тоссавайнен, домой приезжает под утро.
Спят в окопах друзья, и невеста уснула в авто.
Всполошив не на шутку на речке ночующих уток,
Мерс под окна подгонит и долго не глушит мотор.

Над Суоми большая луна строит кислую мину,
Ещё час-полтора – и начнёт просыпаться народ.
Столько русских вокруг, что невольно сочувствуешь финнам,
По ошибке звонишь не туда – трубку русский берёт.

Привыкаешь к стране, где тебе улыбаются люди,
Облечённые властью (но не отягчённые мздой),
Где над площадью главной высится столбиком ртути
Просвещённый монарх – русский царь Александр Второй.

С постамента царя – этой гордой и властной фигуры –
Не снесли даже после проигранной Зимней войны.
Он стоит как фиксатор приемлемой температуры
Отношения к русским в большом организме страны.

Побываешь в столице – заполнишь до самых подкорок
Впечатленьями мозг, чтобы дома, уже поостыв,
Вспомнить гладкие руки дорог, обнимающих город,
Дом-кроссворд, что на солнце блестел клеткой окон пустых,

Или Финский залив. В нём теперь и твоё отраженье
Где-то в складках волны... Или чайка его унесла?
Возвращения вечного нет, это миф – возвращенье,
Затемняющий суть: жизнь не круг, не спираль, но стрела.

А мишень у стрелы за пределами этого мира –
Край, куда эмигрируют все и уже навсегда.
Может, там по-другому поёт просветлённая лира
И стихи «Калевалы» озёрная шепчет вода...

Взглядом праздным блуждаю средь облачных серых развалин,
Там зависла луна и мерцает, что твой монитор.
Возвращение – блеф, возвращается лишь Тоссавайнен –
Вновь приехал под утро и долго не глушит мотор.

2009

Достоевский в Старой Руссе

С. Шаракову

Ах, как легко любимцем музыки
Здесь можно стать – и сразу выдать хит.
Да, Достоевский – гордость Старой Руссы,
Но голос Старой Руссы – петухи.

Они в своих дворах, как в государствах,
И каждый в Старой Руссе (кто не глух)
Ежеминутно может наслаждаться,
Когда то тут, то там поёт петух.

Есть двухэтажный дом над речкой узкой.
И в позапрошлом веке, кто не слеп,
Мог наблюдать: писатель петербургский
Здесь жил с семьёй, гулял и в том числе

Он слушал петухов, задумчив с виду,
Выстраивая будущий сюжет.
И вдруг, как луч, евангельский эпитаф
(тот, про зерно) сверкнул в его душе!*

Да, можно петухам сказать спасибо,
А впрочем, нет... тут гений... все равно
Я отдаюсь фантазии красивой:
Петух и подсказал ему зерно.

2005

* «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода». (Евангелие от Иоанна, гл. 12, ст. 24)
Эти слова стали эпитафом к роману «Братья Карамазовы».